РАЗНОВИДНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОШИБКИ, ИСКЛЮЧАЮЩЕЙ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы выделения разновидностей юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность. С учетом правового регулирования и на основании положений уголовно-правовой доктрины предлагается классификация юридической ошибки и обосновывается необходимость признания ее правового значения. Автор приходит к выводу, что многообразие юридических ошибок в запрете следует систематизировать на основании двух критериев, каждый из которых предполагает два варианта проявления. Ими выступают причина заблуждения (дефект правотворчества либо дефект восприятия лицом установленных нормативных требований), а также характер ошибки (незнание факта наличия уголовно-правового запрета либо незнание его содержания). В рамках комплексной классификации, построенной с учетом различных комбинаций названных критериев, выделяются четыре разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность: ошибка, вызванная дефектом правотворчества и относящаяся к незнанию факта наличия уголовно-правового запрета; ошибка, обусловленная дефектом правотворчества и характеризующая незнание содержания уголовно-правового запрета; ошибка, вызванная дефектом восприятия лицом установленных нормативных требований и относящаяся к незнанию факта наличия уголовно-правового запрета; ошибка, обусловленная дефектом восприятия лицом установленных нормативных требований и характеризующая незнание содержания уголовно-правового запрета. В статье затрагиваются проблемы презумпции знания закона и осознания противоправности деяния с учетом межотраслевых связей уголовного права. Автор обращается к правовым позициям Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, Верховного Суда РФ, иллюстрирует свои выводы примерами из судебной практики, а также приводит ссылки на зарубежный опыт.

Ключевые слова: юридическая ошибка; обстоятельства, исключающие уголовную ответственность; осознание противоправности деяния; уголовно-правовой запрет; презумпция знания закона; субъективная ошибка; коренные малочисленные народы РФ; выполнение письменных разъяснений по вопросам применения налогового законодательства; владение государственным (русским) языком; иностранные граждане и лица без гражданства; бланкетная диспозиция; правовая определенность.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.074-085

© Дорогин Д. А., 2019

* Дорогин Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия
d.a.dorogin@yandex.ru
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Под юридической ошибкой в уголовном праве принято понимать заблуждение лица относительно правовых характеристик совершаемого им деяния. Традиционно выделяется несколько видов юридической ошибки: ошибка в запрете, ошибка в наказании, ошибка в квалификации содеянного. По общему правилу юридическая ошибка не влияет на уголовно-правовую оценку поведения, включая даже ситуации так называемого мнимого преступления, т.е. случаи, когда лицо полагает, что совершает преступление, хотя в действительности оно таковым не является.

Наибольшее значение имеет ошибка в запрете, при которой лицо считает, что его деяние не запрещено законом, хотя в действительности это не так. В таком случае действует ставшее аксиоматичным правило, выражаемое латинской формулой «*ignorantia juris semper nocet*»¹. Использование презумпции знания закона исключает для лиц, совершивших преступление, возможность ссылаться на то, что они якобы не знали о наличии соответствующего запрета. В то же время могут возникать ситуации, когда лицо реально не осознавало, что нарушает уголовно-правовую норму. В таком случае есть основания утверждать, что презумпция знания закона «не срабатывает», поэтому и правило «незнание закона не освобождает от ответственности» не может применяться.

Юридическую ошибку, которая заключается в действительном отсутствии осознания лицом наличия уголовно-правового запрета и которая, следовательно, должна учитываться в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, можно называть добросовестным заблуждением лица относительно запрещенности совершенного им деяния или извинительной юридической ошибкой в запрете.

Ситуации, в которых возможно такое добросовестное заблуждение, довольно многообразны, в связи с чем их необходимо систематизировать. Представляется, что при этом следует использовать два критерия, каждый из которых предполагает по два варианта проявления: причина заблуждения (дефект правотворчества либо дефект восприятия лицом уста-

новленных нормативных требований), а также характер ошибки (незнание самого факта наличия уголовно-правового запрета либо незнание его содержания). Учет различных комбинаций приведенных критериев позволяет выстроить комплексную классификацию, в рамках которой можно выделить четыре разновидности юридической ошибки в запрете, исключающей уголовную ответственность.

Первую разновидность извинительной юридической ошибки в запрете образуют какие-либо нарушения деятельности государства по изданию нормативных правовых актов, что «выводит» ситуацию из-под действия презумпции знания закона. Предписание, не получившее в установленном порядке надлежащей формы, не имеет юридической силы и не может порождать соответствующих правовых последствий. В известном смысле можно утверждать, что нет самого закона, знание которого могло бы презюмироваться. Такая юридическая ошибка вызвана дефектом правотворчества и относится к факту наличия уголовно-правового запрета.

Как следует из ст. 1 и ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»², применяться могут только те федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания, которые официально опубликованы. При этом официальным опубликованием таких нормативных правовых актов считается первая публикация их полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» или первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Сходные правила установлены и для подзаконных актов (ст. 2, 8 и 10 Указа Президента РФ от 23.05.1996 № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти»³), которые также могут быть источниками уголовного права⁴. В случае

¹ Незнание закона не освобождает от ответственности (лат.).

² Российская газета. 1994. 15 июня.

³ Российская газета. 1996. 28 мая.

⁴ Подробнее об этом см.: *Ображиев К. В.* Формальные (юридические) источники российского уголовного права. М., 2010. С. 41—42.

нарушения государством порядка обнародования нормативных правовых актов по тем или иным причинам презумпция знания закона «не срабатывает», и лицо не может привлекаться к уголовной ответственности, независимо от того, знало ли оно о появлении новой уголовно-правовой нормы.

Подобные случаи в юридической реальности уже встречались. Показательна в этом отношении правовая позиция, сформулированная в постановлении Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) от 14.03.2013 по делу «Касымахунов и Сайбаталов (Kasymakhunov and Saybatalov) против Российской Федерации»⁵.

Так, заявители были членами организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения), которая выступает за свержение правительств и их замену исламским государством в форме воссозданного халифата. 14 февраля 2003 г. Верховный Суд РФ признал террористическими 15 организаций, включая «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», и запретил их деятельность на территории Российской Федерации. Официальный перечень организаций, признанных террористическими российскими судами, впервые был опубликован 28 июля 2006 г.

Власти Российской Федерации признали, что решение Верховного Суда РФ о запрете деятельности организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» было официально опубликовано и стало доступным для общественности намного позже совершения преступлений, в которых обвинялись заявители. Однако они утверждали, что, несмотря на это, заявители знали о решении Верховного Суда РФ, поскольку информация о нем широко публиковалась в средствах массовой информации. ЕСПЧ признал этот аргумент неубедительным, поскольку журналистское освещение не может заменять официальную публикацию текста судебного решения, потому что только публикация, исходящая из официального источника, может дать адекватное и достоверное указание на правовые нормы, примененные в деле.

Согласно ч. 2 ст. 282.2 УК РФ⁶ участие в деятельности экстремистской организации составляет преступление, только если ранее в от-

ношении нее судом было принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Поэтому судебное решение является существенным элементом для осуждения за данное преступление, в отсутствие же официальной публикации решения Верховного Суда РФ заявители не могли разумно предвидеть, что членство в «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» может повлечь их уголовную ответственность. Это свидетельствовало об отсутствии умысла на совершение преступления.

Вторая группа ситуаций добросовестного заблуждения относительно запрещенности содеянного связана с неопределенностью содержания положений нормативных правовых актов, которые по этой причине не могут быть правильно восприняты адресатами — субъектами регулируемых общественных отношений. Именно в этих случаях наиболее ярко проявляется несовершенство презумпции знания закона. Данная юридическая ошибка обусловлена дефектом правотворчества и характеризует незнание содержания уголовно-правового запрета.

Современное правовое регулирование общественных отношений представляет собой сложную систему взаимосвязанных норм, расчлененных по разным источникам права. Для этой системы характерно наличие внутренних противоречий, оставление без позитивной регламентации отдельных фрагментов социальной реальности, неоднозначность толкования существующих предписаний и многие другие проблемы. Именно эти сложности порождают объективную невозможность знания и понимания установленных правил поведения адресатами правовых норм — субъектами права.

Прежде всего речь идет об уголовно-правовых запретах с бланкетной составляющей. Можно согласиться с А. В. Наумовым в том, что в целом применительно к преступлениям со смешанной противоправностью регулятивное предписание превращается в клеточку уголовно-правовой материи⁷. Поэтому в таких деяниях осознание лицом противоправности своего поведения трансформируется в осозна-

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 14.03.2013 по делу «Касымахунов и Сайбаталов (Kasymakhunov and Saybatalov) против Российской Федерации» (Жалоба № 26261/05 и 26377/06) // Бюллетень ЕСПЧ. 2014. № 2.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.

⁷ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 231—232, 249.

ние его общественной опасности. В этой связи даже было предложено говорить о гибридной ошибке, объединяющей элементы юридической и фактической разновидностей таковой. При этом практические работники, как правило, не считают нужным доказывать вину лица, допустившего нарушение положений иноотраслевого законодательства⁸.

Среди всех бланкетных уголовно-правовых норм, пожалуй, особенно выделяются преступления в сфере экономической деятельности. Объективное незнание (и даже объективная невозможность знания) лицом правовых предписаний вызвало к жизни право на обращение в государственные органы за соответствующими разъяснениями по тому или иному вопросу, которое наиболее ярко проявляется в налоговом законодательстве.

Выполнение лицом письменных разъяснений по различным вопросам применения законодательства, данных ему либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти (уполномоченным должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции признается в соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 111 НК РФ⁹ одним из обстоятельств, исключающих вину в налоговом правонарушении. Стоит помнить, что в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления»¹⁰ судам рекомендуется учитывать такие обстоятельства при решении вопроса о наличии у лица умысла на совершение налогового преступления.

Следует иметь в виду, что для констатации добросовестности заблуждения налогоплательщика, выполняющего разъяснения государственных органов, необходимо принимать во внимание следующее.

Разъяснения должны быть даны финансовым, налоговым, другим уполномоченным органом государственной власти только в пре-

делах его компетенции. Не любое письмо финансового или налогового органа является официальным разъяснением их позиции. В письмах Министерства финансов РФ содержится перечень должностных лиц, уполномоченных давать официальные разъяснения¹¹. Если же таковые сделаны неуполномоченным лицом, они не будут считаться официальными. Аналогично оценивается и ситуация, когда разъяснение дано уполномоченным сотрудником в научной литературе (статьях, комментариях и т.п.) — такие материалы будут лишь выражением его личного мнения.

Поскольку разъяснения могут быть даны как конкретному налогоплательщику, так и неопределенному кругу лиц, необходимо учитывать отличия реально существующей ситуации и той, для которой было сделано соответствующее разъяснение, и, следовательно, применимость последнего. Кроме того, разъяснение государственного органа должно по смыслу и содержанию относиться к тем налоговым периодам, в которых совершено инкриминируемое правонарушение. При этом если данные разъяснения основаны на неполной или недостоверной информации, представленной налогоплательщиком, то это не может являться основанием для исключения его ответственности.

Наконец, в пп. 4 п. 1 ст. 32 НК РФ закреплена обязанность налоговых органов бесплатно информировать (в том числе в письменной форме) налогоплательщиков о различных положениях налогового законодательства, в том числе о порядке исчисления и уплаты налогов и сборов, а также представлять формы налоговых деклараций (расчетов) и разъяснять порядок их заполнения. В то же время в ст. 34.2 НК РФ предусмотрено полномочие финансовых органов по даче налогоплательщику письменных разъяснений по вопросам применения налогового законодательства. Позиции налоговых и финансовых органов могут противоречить друг другу, а правил разрешения подобных коллизий в законодательстве не предусмотрено.

⁸ См.: Яни П. С. О значении принципа «ignorantia juris nocet» для вменения составов экономических преступлений // Уголовное право в XXI веке : материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2002. С. 234—236.

⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. 1998. 6 авг.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // БВС РФ. 2007. № 3.

¹¹ См., например: письмо Министерства финансов РФ от 21.09.2004 № 03-02-07/39 // Нормативные акты для бухгалтера. 2004. 5 окт.

Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером. Так, Т. обвинялся в уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере по ч. 2 ст. 198 УК РФ. Однако Т. утверждал, что он правомерно использовал систему налогообложения единого налога на вмененный доход (далее — ЕНВД). Его показания подтверждаются письменными разъяснениями Управления МНС по Архангельской области и Ненецкому автономному округу от 16.12.2003, согласно которым услуги, осуществляемые грузовым автомобильным транспортом, связанные с вывозом нечистот из септиков и выгребных ям на свалку, согласно «Общероссийскому классификатору услуг населению» ОК 002-93 относятся к виду деятельности по коду 022504 — «Перевозка автомобильным транспортом в специализированном подвижном составе», и в отношении данного вида деятельности должна применяться система налогообложения в виде ЕНВД при эксплуатации не более 20 транспортных средств. Поэтому Т., осуществляя предпринимательскую деятельность, в том числе по оказанию услуг по вывозу жидких нечистот, обоснованно находился на системе налогообложения ЕНВД по рекомендации налогового органа. Он добросовестно в установленные сроки исчислял и уплачивал данный налог, представлял в налоговый орган налоговые декларации, умысла на уклонение от уплаты налогов не имел. Вина Т. не доказана, поэтому он подлежит оправданию в связи с отсутствием в деянии состава преступления¹².

Причиной неверного понимания лицом положений нормативных правовых актов может служить не только следование данным государственными органами разъяснениям, но и учет консультаций отдельных должностных лиц или государственных служащих, комментариев специалистов в СМИ, правовых позиций судов по сходным делам, выраженных в опубликованных материалах судебной практики¹³.

Так, Ш. был осужден за присвоение чужого имущества с использованием служебного положения по ч. 3 ст. 160 УК РФ. Он, являясь директором муниципального автономного образовательного учреждения, присвоил находя-

щиеся в ведении учреждения муниципальные денежные средства путем издания двух приказов о выплате себе премий в размере 20 000 руб. и 5 000 руб., с последующим получением этих денежных средств.

Вышестоящая судебная инстанция отменила приговор и оправдала Ш. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, указав следующее. Неправомерность действий Ш. по получению премии была связана с отсутствием разрешения работодателя, которым являлось муниципальное образование в лице Управления образования администрации города. В то же время в судебном заседании Ш. утверждал, что был убежден в правомерности своих действий и действовал по согласованию с сотрудниками администрации города. Его утверждение не опровергнуто стороной обвинения, а напротив, подтверждается представленными судом доказательствами. При получении премий Ш. действовал открыто, фиксировал свои решения, принимал меры по согласованию своих действий с представителем работодателя. Более того, как пояснили свидетели из числа руководства Управления образования администрации города, возглавляемое Ш. автономное учреждение было первым в городе, в связи с чем четкого понимания вопросов выплаты заработной платы сотрудникам этого учреждения, в том числе его руководителю, в администрации города не было. Ш. обращался со служебной запиской о выплате ему премии, которая была согласована, однако, приказов на уровне администрации не издавалось, поскольку руководство полагало, что Ш. вправе самостоятельно издать такой приказ и получить премии за счет денежных средств, находящихся в ведении учреждения.

При таких обстоятельствах Ш. добросовестно заблуждался относительно противоправности своих действий, ошибочно полагая, что имеет право на получение премий на основании общественных приказов. Противоправность и общественная опасность его действий не носила для него самого явный характер, что, с учетом положений ч. 1 ст. 28 УК РФ, исключает его виновность¹⁴.

¹² См.: приговор Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 14.11.2011 по делу № 1-3/2011 // Судебные и нормативные акты. URL: РФ <http://sudact.ru/regular/doc/3E5bu3fJxmNb/> (дата обращения: 24.03.2019).

¹³ См.: Дудоров А. А. Специфика юридической ошибки при совершении преступлений со смешанной противоправностью // Право Украины. 2011. № 9—10. С. 104.

¹⁴ См.: Обобщение практики рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности за 2-е полугодие 2013 г. и 2014 г. в судах Ямало-Ненецкого автономного округа (утв. президиумом Суда Ямало-Не-

Наряду со случаями, когда правовые предписания не понятны адресатам, потому что имеют сложное содержание и выражены в нескольких дискретных формах, возможны ситуации, когда они обладают внутренними противоречиями и, как следствие, не обеспечивают правовую определенность. Однако с точки зрения субъектов права эти варианты равнозначны — лицо не может правильно понять, какого поведения от него требует государство, какие ему предоставлены права и т.д., и не может соизмерять с этим свои действия.

Аргумент о правовой определенности уже послужил основанием признания неконституционными некоторых уголовно-правовых норм, что исключает уголовную ответственность за совершение отдельных деяний. Связано это именно с невозможностью лица правильно оценивать свое поведение, причем в одном из решений прямо указано на отсутствие осознания не только общественной опасности своих действий, но и их противоправности.

В частности, в постановлении Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П¹⁵ (по делу Н. В. Урюпиной) было признано, что отсутствие специальной правовой регламентации порядка продажи оружия, имеющего культурную ценность, в том числе старинного (антикварного) холодного оружия, при том что оно допущено в гражданский оборот нормативными правовыми актами, регламентирующими не только сохранение культурного наследия, но и оборот оружия, приводит к необходимости выбора в конкретной правоприменительной ситуации между общими нормами различной отраслевой природы, одни из которых не учитывают возможную опасность этого оружия для жизни и здоровья людей, а другие — его культурную (историческую) значимость. В подобных условиях собственники такого оружия лишены возможности принять правильное решение, какими из этих норм, взаимно не согласованных и противоречивых, но имеющих, по существу, одинаковую юридическую силу, надле-

жит руководствоваться при его продаже, и, как следствие, осознать противоправный характер своего поведения (соответствующего одному отраслевому режиму, но не отвечающего другому), тем более — его общественно опасный характер, а также предвидеть его правовые последствия, в том числе наступление уголовной ответственности. Следовательно, лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за сбыт холодного оружия, имеющего культурную ценность (ч. 4 ст. 222 УК РФ).

В постановлении Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П¹⁶ (по делу О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева) было указано, что, связывая уголовную ответственность с незаконным характером перемещения через Государственную границу РФ с государствами — членами Таможенного союза сильнодействующих веществ, законодатель был обязан либо исключить возможность ее применения к случаям непротивоправного (не противоречащего ни национальным, ни наднациональным актам) ввоза для личных нужд содержащих сильнодействующие вещества лекарственных препаратов, либо определить порядок их разрешенного трансграничного перемещения. Не конкретизированные же никакими правовыми предписаниями правила трансграничного перемещения физическими лицами сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств, в целях их личного использования не позволяют таким лицам осознавать существо ограничений и запретов и предвидеть правовые последствия своего поведения. Следовательно, лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за контрабанду сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств (ст. 226.1 УК РФ).

Третьей разновидностью извинительной юридической ошибки в запрете выступает ситуация, в которой действующее лицо не могло узнать о существовании уголовно-правового запрета и ознакомиться с его содержанием. В этом случае речь идет об опровержении пре-

нецкого автономного округа 09.09.2015) // Документ официально опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 5.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

зумпции знания закона: если будет установлено, что лицо не просто не знало, но и не имело возможности узнать о наличии и содержании нормативных предписаний, оно не подлежит уголовной ответственности. Эта юридическая ошибка вызвана дефектом восприятия лицом установленных нормативных требований и относится к незнанию самого факта наличия уголовно-правового запрета.

Даже при добросовестном отношении к своим гражданским обязанностям лицо может быть лишено возможности ознакомиться с содержанием вновь введенных государством требований в уголовно-правовой сфере (при закреплении какого-либо нового или изменении содержания уже существовавшего запрета), что служит основанием для констатации незнания закона. С появлением нового порядка обнародования нормативных правовых актов, заключающегося в размещении их текстов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru), фактически произошло некоторое расширение презумпции знания закона, поскольку лицо получает потенциальную возможность ознакомления с содержанием правовых предписаний уже с момента их опубликования в электронной форме. В этом ключе для опровержения данной презумпции требуется установить, что лицо не только не могло получить экземпляры соответствующих изданий, но и не имело доступа к сети Интернет.

Классическими примерами, приводимыми в литературе, выступают пребывание лица в длительной экспедиции или на зимовке вне населенных пунктов¹⁷, включая труднодоступные территории (Арктика, Антарктика и др.), нахождение в дальнем плавании и т.п. Аналогично следует оценивать и случаи, когда лицо уходит в тайгу на промысел на некоторое время, в течение которого в силу вступает новый уголовный закон, устанавливающий уголовную ответственность за охоту на определенные виды животных¹⁸.

Четвертая группа ситуаций добросовестного заблуждения относительно запрещенности содеянного состоит в том, что лицо имело те-

оретическую возможность ознакомиться с уголовно-правовым запретом, однако в действительности не понимало его содержания. Такие случаи встречаются довольно редко и не предполагают очевидных возможностей опровержения презумпции знания закона, в связи с чем являются наиболее спорными, а лица, совершающие деяния под влиянием подобного заблуждения, находятся в наиболее уязвимом положении. Однако существуют разумные основания, позволяющие отнести и данную разновидность неправильных представлений субъекта о правовых свойствах содеянного к числу обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. Подобная юридическая ошибка обусловлена дефектом восприятия лицом установленных нормативных требований и характеризует незнание содержания уголовно-правового запрета.

Необходимо отметить, что в некоторых зарубежных странах проводились социологические опросы по выявлению уровня знаний о существовании и содержании уголовно-правовых запретов. Они выявили в целом плохую осведомленность населения в этом вопросе¹⁹. По некоторым данным, до 18 % людей в принципе не знают о наличии соответствующих нормативных предписаний²⁰. Как представляется, это довольно значительное число адресатов положений уголовного закона.

Незнание содержания уголовно-правовых запретов может признаваться добросовестным при одновременном наличии двух условий: лицо принадлежит к другой культурной среде и не владеет государственным (русским) языком. Культурный и языковой факторы, действуя в совокупности, приобретают важное значение. Лицо, социализированное в рамках одной культуры, не всегда может воспринять определенные элементы другой, изначально чуждой ему культуры, включая и уголовно-правовые предписания. Что касается языка, то, как следует из ст. 12 Закона РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»²¹, федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания РФ, указы и распоряжения

¹⁷ См.: *Рарог А. И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. С. 142.

¹⁸ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. С. 132 (автор главы — И. А. Клепицкий).

¹⁹ См.: *Tonry M.* Learning from the Limitations of Deterrence Research // *Crime and Justice*. 2008. Vol. 37. № 1. P. 286.

²⁰ См.: *Cooter R., Ulen T.* Law and economics. New York, 2011. P. 496.

²¹ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 12.12.1991. № 50. Ст. 1740.

Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ официально публикуются на государственном языке Российской Федерации (для республик в составе Российской Федерации предусмотрена возможность опубликования указанных нормативных правовых актов также на государственных языках республик). Незнание русского языка даже в рамках действия презумпции знания закона фактически исключает возможность осознавать содержание соответствующих запретов.

Можно выделить три варианта такого рода случаев: совершение запрещенного уголовным законом деяния иностранными гражданами или лицами без гражданства, постоянно не проживающими в Российской Федерации, представителями коренных малочисленных народов РФ, ведущих традиционный образ жизни и не прошедших надлежащую социализацию в российском обществе, а также некоторыми иными лицами.

Правила ч. 2 ст. 2 и ст. 4 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»²² позволяют распространить презумпцию знания закона на иностранных граждан и лиц без гражданства. В то же время различия в культуре и общественном сознании жителей разных стран столь существенны, что могут порождать ситуации, когда лицо, действуя добросовестно и желая соблюдать законы государства пребывания, все же нарушает определенные запреты, не осознавая противоправности своих поступков.

Для иллюстрации этого тезиса можно привести примеры деяний, не являющихся очевидно противоправными в России, однако признаваемых преступлениями в некоторых зарубежных государствах, даже относительно близких нашей стране с точки зрения правовой системы

и общепринятых норм поведения. В частности, согласно § 183 Уголовного уложения ФРГ²³ преступными объявлены эксгибиционистские действия, а в соответствии со ст. 231 УК Бельгии²⁴ — присвоение чужого имени. В § 428 Общегражданского уголовного кодекса Норвегии²⁵ предусматривается, что лицо привлекается к уголовной ответственности, если оно не указывает или неверно указывает свое имя или фирму и место печати на любой публикации. В силу ст. 241 УК Кореи²⁶ преступлением является прелюбодеяние (супружеская измена), причем наказанию подлежат оба участника данного акта.

В этой связи вполне можно представить себе ситуации, когда иностранные граждане или апатриды, оказавшись в Российской Федерации, не знают об установлении отдельных уголовно-правовых запретов, поскольку в рамках их собственных правовых порядков соответствующие действия не признаются преступлениями.

Л. Р. Клебанов приводит довольно показательный пример. Так, гражданка Чили К. была осуждена за приобретение государственных наград по ст. 324 УК РФ. Находясь в г. Воронеже, она беспрепятственно приобрела на рынке города несколько государственных наград СССР. Сама К. считала покупку легальной, поскольку ситуация совершения деяния — возможность покупать эти предметы на рынке в центре города днем при отсутствии какой-либо реакции на это со стороны местных властей — давала основания для такого вывода. Однако суд указал, что подсудимая желала приобрести государственные награды, и ее желание было реализовано, поэтому в содеянном усматривается умысел на приобретение государственных наград, т.е. имеется состав преступления²⁷. Такой вывод суда представляется спорным. Обстоятельства дела позволяют с существенной долей

²² Российская газета. 2002. 31 июля.

²³ Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германии 1871 г. См.: Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германии. Текст и научно-практический комментарий. М., 2010.

²⁴ Уголовный кодекс Бельгии 1867 г. См.: Criminal Code of the Kingdom of Belgium // Legislationline http://www.legislationline.org/download/action/download/id/6365/file/Belgium_CC_1867_am2016_fr.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

²⁵ Общегражданский уголовный кодекс Норвегии 1902 г. См.: The General Civil Penal Code of the Kingdom of Norway // Legislationline http://www.legislationline.org/download/action/download/id/3523/file/Norway_General_Civil_Penal_Code_1902_amended_2005-eng.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

²⁶ Уголовный кодекс Республики Корея 1953 г. См.: Уголовный кодекс Республики Корея. СПб., 2004.

²⁷ См.: Клебанов Л. Р. Неправильное представление о непротивоправности деяния // Законность. 2012. № 2. С. 39.

вероятности предположить, что лицо действительно не осознавало запрещенность содеянного, в связи с чем уголовная ответственность должна исключаться.

В то же время сам по себе факт наличия у лица иностранного гражданства, а равно особенности его культуры, не могут служить основанием для вывода о непонимании содержания установленных уголовно-правовых запретов. Подобная «культурно обусловленная защита» может применяться лишь через призму добросовестного заблуждения относительно нарушения существующих запретов²⁸. Так, гражданин Узбекистана Х. был осужден за покушение на дачу взятки по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 291 УК РФ. Он утверждал, что не знает российского уголовного законодательства, мотивируя это своей национальной принадлежностью. Однако суд счел этот довод необоснованным, сославшись на возраст подсудимого, его жизненный опыт и длительность проживания на территории Российской Федерации (в течение нескольких лет)²⁹.

Даже без учета трудовой миграции, туризма и иных случаев пребывания в России иностранных граждан и апатридов существует немало людей, которые не понимают содержания нормативных требований в силу незнания языка. Как следует из данных последней на сегодняшний день Всероссийской переписи населения 2010 г.³⁰, русским языком не владеет более 800 000 (817 642) человек, официально проживающих на территории Российской Федерации. Сказанное означает, что проблема может касаться хотя и немногочисленных, но все же не единичных случаев.

Особое место в этом ряду занимают представители коренных малочисленных народов РФ, ведущие традиционный образ жизни. Таковой в соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Рос-

сийской Федерации»³¹ предполагает исторически сложившийся способ жизнеобеспечения, основанный на историческом опыте предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований. Некоторые представители или даже некоторые коренные малочисленные народы Российской Федерации в целом ведут натуральное хозяйство, занимаются промыслами, проживают небольшими группами на территориях, отдаленных от крупных населенных пунктов, и владеют только своим языком. С определенной долей условности можно сказать, что они существуют вне государства и вне сложившейся в нем доминантной культуры. Такая ситуация не является чем-то необычным и существует во многих странах мира.

Отсутствие привычной для остального населения социализации, безусловно, не может служить основанием для вывода о якобы более низком уровне развития таких людей. Напротив, государство заинтересовано в сохранении языкового и культурного разнообразия, в связи с чем способствует ведению данными народами традиционного образа жизни³². В то же время незнание русского языка и принципиально иная культурная идентификация отдельных представителей коренных малочисленных народов РФ является фактом, и это позволяет констатировать незнание содержания правовых предписаний. Поэтому тезис о невозможности наступления уголовной ответственности представителей коренных малочисленных народов РФ, ведущих традиционный образ жизни, не является выражением некоего снисхождения к ним, но может основываться только на реальном отсутствии осознания ими содержания того или иного уголовно-правового запрета.

Не принадлежать к доминантной культуре российского общества и не владеть русским языком могут, конечно, не только представи-

²⁸ См.: Бибик О. Н. Особенности культуры как обстоятельство, исключающее или смягчающее уголовную ответственность // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 74.

²⁹ См.: приговор Южно-Сахалинского городского суда от 02.08.2012 по делу № 1-655/12 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Ppl1RAXn8eo1/> (дата обращения: 24.03.2019).

³⁰ См.: Владение языками населением Российской Федерации. ВНП-2010 // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

³¹ Российская газета. 1999. 12 мая.

³² В некоторых странах в целях сохранения традиционного образа жизни коренных народов даже вводятся отдельные меры, направленные на ограничение взаимодействий с ними. Например, правительство Индии способствует изоляции аборигенов Андамских и Никобарских островов, а власти Бразилии устанавливают определенные ограничения на контакты с отдельными племенами Амазонии.

тели коренных малочисленных народов РФ. Законное нахождение на территории государства человека, не владеющего государственным языком, но даже получающего легальный доход, также не является чем-то уникальным и в той или иной степени обнаруживается во многих странах мира. В такой ситуации проявляются все те же факторы, что уже были рассмотрены выше.

В качестве примера можно привести следующее относительно резонансное дело. Гражданин России, уроженец Республики Тува, Кудерек Соскал работал сварщиком на заводе в Санкт-Петербурге и был задержан по подозрению в подделке документов. Его адвокат ссылаясь на то, что он плохо владеет русским языком и не понимает значения специальных терминов, относящихся к инкриминируемому ему деянию. При этом прокурор заявил, что национальности «тувинец» и тувинского языка не существует³³. В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона Республики Тува от 31.12.2003 № 462 ВХ-I «О языках в Республике Тува»³⁴ государственными языками Республики Тува являются тувинский и русский языки, которые используются для официального опубликования нормативных правовых актов, проведения выборов и референдумов и в других целях.

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам. Все многообразие юридических ошибок, исключающих уголовную ответственность, следует систематизировать при помощи двух критериев, каждый из которых предполагает по два варианта проявления: причины заблуждения (дефект правотворчества либо дефект восприятия лицом установленных нормативных требований), а также характера ошибки (незнание самого факта наличия уголовно-правового запрета либо незнание его содержания).

Исходя из комплексного учета различных комбинаций названных критериев, можно выделить четыре разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность: ошибка, вызванная дефектом правотворчества и относящаяся к незнанию самого факта наличия уголовно-правового запрета; ошибка, обусловленная дефектом правотворчества и характеризующая незнание содержания уголовно-правового запрета; ошибка, вызванная дефектом восприятия лицом установленных нормативных требований и относящаяся к незнанию самого факта наличия уголовно-правового запрета; ошибка, обусловленная дефектом восприятия лицом установленных нормативных требований и характеризующая незнание содержания уголовно-правового запрета.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бирик О. Н. Особенности культуры как обстоятельство, исключающее или смягчающее уголовную ответственность // Журнал российского права. — 2013. — № 3.
2. Дудоров А. А. Специфика юридической ошибки при совершении преступлений со смешанной противоправностью // Право Украины. — 2011. — № 9—10.
3. Клебанов Л. Р. Неправильное представление о непротивоправности деяния // Законность. — 2012. — № 2.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право : в 2 т. — М., 2004. — Т. 1.
5. Ображиев К. В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. — М., 2010.
6. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. — М., 2015.
7. Суд Петербурга переведет обвинение тувинцу, плохо говорящему по-русски // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/spb/20130731/953242930.html> (дата обращения: 24.03.2019).
8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. — М., 2015.
9. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германии : текст и научно-практический комментарий. — М., 2010.
10. Яни П. С. О значении принципа *ignorantia juris* poset для вменения составов экономических преступлений // Уголовное право в XXI веке : материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. — М., 2002.

³³ См.: Суд Петербурга переведет обвинение тувинцу, плохо говорящему по-русски // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/spb/20130731/953242930.html> (дата обращения: 24.03.2019).

³⁴ Закон Республики Тува от 31.12.2003 № 462 ВХ-I «О языках в Республике Тува» // Тувинская правда. 2004. 3 февр.

11. Cooter R., Ulen T. Law and economics. — New York, 2011.
12. Tonry M. Learning from the Limitations of Deterrence Research // Crime and Justice. — 2008. — Vol. 37. — № 1.

Материал поступил в редакцию 25 февраля 2019 г.

TYPES OF A LEGAL MISTAKE EXCLUDING CRIMINAL RESPONSIBILITY

DOROGIN Dmitriy Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice
d.a.dorogin@yandex.ru
117418, Russia, Moscow, ul. Novocheremushkinskaya, d. 69

Abstract. *The article deals with the problems of identification of such types of the legal mistake that exclude criminal liability. With regard to the legal regulation and on the basis of the provisions of the criminal law doctrine, the author gives his own classification of the legal mistake and substantiates the necessity of recognition of its legal significance. The author comes to the conclusion that the variety of legal mistakes should be systematized on the basis of two criteria each of which implies two variants of manifestation. They include the cause of the mistake (either a defect of lawmaking or a defect of perception of established normative requirements), as well as the nature of the mistake (either ignorance of the fact of existence of criminal law prohibition or ignorance of its content). Within the framework of a comprehensive classification based on various combinations of the criteria under consideration, four types of the legal mistake that exclude criminal responsibility are distinguished: 1) a mistake caused by a defect in lawmaking and related to the ignorance of the existence of the criminal law prohibition; 2) a mistake caused by a defect in lawmaking and associated with the ignorance of the content of the criminal law prohibition; 3) a mistake caused by a defect in perception of established normative requirements by a person and related to the ignorance of the fact of existence of the criminal law prohibition; 4) a mistake caused by a defect perception by the person of established regulatory requirements and associated with the ignorance of the content of the criminal law prohibition. The article deals with the problems of presumption of knowledge of the law and awareness of wrongfulness of the act with due regard to intersectoral links existing in criminal law. The author refers to the legal stance of the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights, the Supreme Court of the Russian Federation and relies in his conclusions on the examples from case law and jurisprudence, and makes references to foreign experience.*

Keywords: *legal mistake, circumstances excluding criminal liability, awareness of wrongfulness of an act, criminal law prohibition, presumption of knowledge of the law, subjective mistake, indigenous peoples of the Russian Federation, enforcement of written explanations concerning the application of tax legislation, proficiency in the state (Russian) language, foreign citizens and stateless persons, blanket disposition, legal certainty.*

REFERENCES

1. Bibik O. N. Osobennosti kultury kak obstoyatelstvo, isklyuchayushchee ili smyagchayushchee ugovnuyu otvetstvennost [Features of culture as a circumstance excluding or mitigating criminal liability]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2013. No. 3. (In Russ.)
2. Dudorov A. A. Spetsifika yuridicheskoy oshibki pri sovershenii prestupleniy so smeshannoy protivopravnostyu [Specificity of legal error at commission of crimes with mixed wrongfulness]. *Pravo Ukrainy [Law of Ukraine]*. 2011. No. 9—10. (In Russ.)
3. Klebanov L. P. Nepravilnoe predstavlenie o neprestupnosti deyaniya [Improper understanding of non-criminal nature of the act]. *Zakonnost [Legality]*. 2012. No. 2. (In Russ.)
4. Naumov A. V. Rossiiskoe ugovnoe pravo : v 2 t. [Russian Criminal Law: in 2 vol.]. Moscow, 2004. Vol. 1. (In Russ.)
5. Obrazhiev K. V. Formalnye (yuridicheskie) istochniki rossiyskogo ugovnogo prava [Formal (legal) sources of Russian criminal law]. Moscow, 2010. (In Russ.)

6. Rarog A. I. Problemy kvalifikatsii prestupleniy po subektivnym priznakam [Problems of qualification of crimes on subjective signs]. Moscow, 2015. (In Russ.)
7. Sud Peterburga perevedet obvinenie tuvintsu, plokho govoryashchemu po-russki [The court of St. Petersburg will prosecute a Tuvinian who speaks poorly in Russian]. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/spb/20130731/953242930.html> (date of access: 24.03.2019). (In Russ.)
8. Uголовное Право России. Chasti Obshchaya i Osobennaya [Criminal Law of Russia. General and Special Parts]. A. V. Brilliantova (ed.). Moscow, 2015. (In Russ.)
9. Uголовное ulozhenie (Uголовnyy Kodeks) Federativnoy Respubliki Germanii : tekst i nauchno-prakticheskiy kommentariy [Criminal Code of the Federal Republic of Germany: The Text and Scientific and Practical Commentary]. Moscow, 2010. (In Russ.)
10. Yani P. S. O znachenii printsipa ignorantia juris nocet dlya vmeneniya sostavov ekonomicheskikh prestupleniy [On the significance of the principle ignorantia juris nocet for incrimination of elements of economic crimes]. *Uголовное pravo v XXI veke : materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii na yuridicheskoy fakultete MGU imeni M.V. Lomonosova* [Criminal Law in the XXI Century: Proceedings of the International Scientific Conference at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University]. Moscow, 2002. (In Russ.)
11. Cooter R., Ulen T. Law and economics. New York, 2011.
12. Tonry M. Learning from the Limitations of Deterrence Research. *Crime and Justice*. 2008. Vol. 37. No. 1.